

УДК 341.96

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ПРЕДДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Екатерина КУКЛЕВА,
аспирант кафедры международного права
Института международных отношений
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Аннотация

В статье рассматривается принцип добросовестности в преддоговорных отношениях, проводится сравнительно-правовой анализ требования добросовестного ведения переговоров, а также причин разных подходов к содержанию добросовестности на преддоговорном этапе, характерных для общего и континентального договорного права, с целью их возможной гармонизации. Отмечается, что общее право и континентальные правовые системы предусматривают различные подходы к оценке роли добросовестности в преддоговорных отношениях. Тем не менее, интересы международного торгового оборота детерминируют их сближение и обуславливают необходимость их гармонизации.

Ключевые слова: преддоговорные отношения, принцип добросовестности, заключение договора, общее право, континентальное право, ведение переговоров, обязанность по раскрытию информации.

PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN PRE-CONTRACTUAL RELATIONS: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Ekaterina KUKLEVA,
Postgraduate Student at the Department of International Law
Institute of International Relations
of Taras Shevchenko National University of Kyiv

Summary

The article deals with the principle of good faith in pre-contractual relations, gives a comparative legal analysis of the requirement for bona fide in negotiations, as well as the reasons for different approaches to the content of good faith at the pre-contract stage in common and continental contract law, with a view to their possible of their harmonization. It is noted that the common law and continental legal systems provide different approaches to the role of good faith in pre-contractual relations. Nevertheless, the interests of the international trade turnover determine their convergence and cause the need for their harmonization.

Key words: pre-contractual relations, principle of good faith, conclusion of a contract, common law, continental law, negotiation, obligation to disclose information.

Постановка проблемы. Как известно, отправной точкой заключения договора является свобода вступать (или, напротив, не вступать) в переговоры по поводу заключения договора, заключать договор, а также определять его содержания. В связи с этим возникает вопрос: где и когда эта свобода заканчивается, и, соответственно, возникают обязательственные отношения?

Можно констатировать, что, начиная с конца 19-го века, правовые системы всех государств Западной Европы предусматривают довольно форматизированную процедуру отказа от этой свободы: поступление предложения (оферты), за которым следует соответствующее принятие этого предложения (акцепт), – и только через эту формальную последовательность могут возникнуть договорные отношения. Конечно,

имеются расхождения в дальнейшем уточнении – например, что представляет собой оферта, когда оферта (или, в зависимости от обстоятельств, – акцепт) может быть отозвана, при каких обстоятельствах оферта будет считаться безотзывной и т.д., – но в основном данный механизм оформления договорных обязательств известен праву любого европейского государства. Цель этого механизма заключается в обеспечении определенности, когда именно договор вступает в существование, с тем чтобы провести грань между свободой и обязательством, связывающим стороны переговоров.

В системах гражданского континентального права либерализация механизма заключения договора путем направления оферты и ее принятия (акцепта) пошла путем развития (более специаль-

ной) обязанности добросовестного соблюдения и исполнения договора в направлении признания общей обязанности действовать в духе доброй воли, как только соответствующие правоотношения вступили в существование, – иными словами, в направлении становления общего принципа добросовестности. Это означает, что, вступив в переговоры, стороны будут связаны общей обязанностью добросовестности. Как следствие этой общей обязанности действовать добросовестно может возникать обязанность по раскрытию информации, сотрудничеству и т.д. На несколько иных позициях – продиктованных иными социальными, экономическими и политическими традициями – стоит общее право, считающее, что переговоры не приводят ни к какому обязательству сторон, отрицая в целом существование

требования добросовестности в преддоговорных отношениях.

Целью настоящей статьи является рассмотрение принципа добросовестности в преддоговорных отношениях, проведение сравнительно-правового анализа требования добросовестного ведения переговоров, а также причин разных подходов к содержанию добросовестности на преддоговорном этапе, характерных для общего и континентального договорного права, с целью их возможной гармонизации.

Состояние исследованности темы. Различным аспектам принципа добросовестности в преддоговорных отношениях посвящено значительное количество зарубежных исследований, представляющих как романо-германскую, так и англо-американскую гражданско-правовую науку: П. В. Бейкер, Л. Дж. Бинггам, М. Г. Бридж, Дж. Горла, М. Р. Джессел, Дж. Картрайт, Дж. Ф. О'Коннор, П. Легранд, П. Ст. Дж. Лэнген, Х. Люке, Л. Моччиа, Б. Николас, Е. А. Фарнсворф, П. Д. Финн и др. Однако спектр вопроса столь широк, что обуславливает необходимость дальнейших сравнительно-правовых исследований проблематики.

Изложение основного материала исследования. Наиболее существенно отличия правовых подходов в вопросе правовых последствий ведения переговоров проявляются в нарушении требований добросовестности и тесно связанной с ней общей обязанности раскрытия информации во время ведения переговоров, предшествующих заключению договора. Подходы к этим вопросам, которых придерживается, с одной стороны, английское право, и, с другой стороны, – германское, голландское, французское право и др., порой могут быть охарактеризованы как антагонистические.

Традиционно одним из основных различий между континентальным правом и общим правом было отсутствие в английском праве развитых общих понятий, таких, в частности, как добросовестность. Было высказано мнение, что, поскольку английское право формировалось и изменялось в результате судебной практики, общее право развивалось путем решения практических задач, а не решения теоретических проблем. Иной подход наблюдался на континенте, где правовые традиции закладывались в

академической науке, находившейся под сильным влиянием нравственных понятий, основанных на каноническом праве и общих предписаний римского права, и потому оказывались чрезмерно теоретизированными и требовали дальнейшей проверки практикой. С другой стороны, как справедливо отмечают Дж. Горла и Л. Моччиа (G. Gorla, L. Moccia), английское право само ощутило довольно значительное влияние римского права [1, с. 143], а континентальные правовые системы гораздо больше ориентированы на запросы практики, чем может показаться [2, с. 2213], поэтому отличия между двумя правовыми традициями не являются столь разительными.

В частности, общие концептуальные основы справедливости известны и английскому праву.

Так, обсуждение так называемых «максим справедливости» велось в первом (1868 г.) и 28-м (1982 г.) изданиях Принципов справедливости Снелла. В первом издании Снелл упоминает 11 таких максим, утверждая, что «простодушный студент не найдет никаких трудностей в отслеживании почти каждой сентенции справедливости этой великой максимы, краеугольный камень которой – «справедливость без силы беспомощна» [3, с. 12]. В 28-м издании П. В. Бейкер и П. Ст. Дж. Лэнген (P. V. Baker and P. St. J. Langan) упоминают 12 сентенций (была добавлена *equity acts in personam*), утверждая, что «не будет представлять никакого труда уменьшить их до первой и последней – «справедливость без силы беспомощна» и «справедливость действует в отношении конкретного лица» [4, с. 28].

Также весьма показательны высказывание М. Р. Джессел (M. R. Jessel) о том, что справедливость была изобретена судьями. По его собственным словам, «[...] не следует забывать, что правила справедливости не являются, подобно правилам общего права, установленными с незапамятных времен. Прекрасно известно, что они устанавливаются время от времени – изменяются, совершенствуются и уточняются время от времени. Во многих случаях известны имена канцлеров, их придумавших. Нет сомнений в том, что они были *изобретены* в целях обеспечения лучшего отправления правосудия, но все-таки они были изобретены» [5, с. 696, 710]. Иными словами, справедливость пере-

росла в систему правил, изложенных в прецедентах, со своей собственной спецификой, характерной для общего права. Тем не менее, как видим, английское право способно трансформировать общие нормы в работающие правила, мало чем отличающиеся от того, как континентальные судьи трансформируют требование добросовестности в работоспособные «подчиненные правила», – как их описывается Альпа (Alpa) [6, с. 200].

Анализируя общий принцип добросовестности и его роль, М. Г. Бридж (M. G. Bridge) подчеркивает: «Общие принципы, такие как добросовестность, могут служить целям инноваций и творческого подхода в системе гражданского права, которые значительно более развиты в более творческой прецедентной традиции общего права» [7, с. 414].

Отмененное традиционное различие между общим и континентальным правом в отношении роли добросовестности в сфере договорного права во многом сохраняется. Иллюстрацией этого может служить дело *Interfoto Picture Library Ltd. v. Stiletto Visual Programmes Ltd.* о включении общего условия добросовестности в договор.

В этом деле Л. Дж. Бинггам (L. J. Bingham) отметил, что «английский закон, что характерно, ясно выразил свою позицию по непризнанию такого важнейшего принципа добросовестности, но выработал частичные решения в ответ на продемонстрированные проблемы несправедливости» [8, с. 445]. И далее добавил: «Тенденцией английского правоприменения, как мне кажется, стало учитывать природу рассматриваемой сделки и отношение к ней сторон; взвешивать, какое значение сторона, которая предполагается связанной обязательством, придавала конкретным обстоятельствам, возлагавшим на нее обязательства; и решать, было ли справедливым при всех обстоятельствах считать ее связанной условием, о котором идет речь. Это может дать результат, не сильно отличающийся от принципа добросовестности гражданского права, во всяком случае в отношении оценки формирования контракта» [8, с. 446].

На основании этого и других подобных ему дел английский юрист Дж. Ф. О'Коннор (J. F. O'Connor) отстаивает тезис, что английский закон был очень близок к введению общей

обязанности добросовестности [9]. До Дж. Ф. О'Коннора введение добросовестности в общем праве отставал также Х. Люке (H. Lücke) [10, с. 155].

Другой точки зрения придерживался М. Г. Бридж, который изложил ее в своей статье «Нуждается ли англо-канадское договорное право в учение о добросовестности?» ('Does Anglo-Canadian contract law need a doctrine of good faith?') [3]. Ответ на него был отрицательным: введение добросовестности в качестве общей нормы поведения в области договорного права будет подорвать «сложное смешение доктрины, судебной практики и законодательства» [3, с. 385]. М. Г. Бридж усматривал роль добросовестности «в формулировании теории договора и в определении целей, которым призвано служить договорное право». По мнению ученого, законодательное принятие добросовестности, по аналогии с правом Соединенных Штатов Америки или континентальными кодексами, было бы «злоупотреблением сравнительно-правовым методом», не позволяло бы «рассмотреть роль и функции добросовестности в по-разному сложенных обществах» [3, с. 426], что привело бы к введению «крайне избирательному заимствованию без учета всей правовой традиции той или иной страны» [3, с. 414].

Другой английский автор, Дж. Карпайт, также выразил несогласие с Дж. Ф. О'Коннором, в целом поддержав М. Г. Бриджу: «В английском праве нет общего правила о том, что сторона должна вести переговоры в духе доброй воли или соблюдать принцип справедливого и открытого ведения дел». «Даже если английское право не навязывает правило добросовестности деловой практики, это не касается недобросовестного поведения» [11, с. 224].

Подобная негативная позиция по вопросу принципа добросовестности поддержана и в английский судебной практике. В частности, в деле *Walford v. Miles* Палата лордов сделала однозначный вывод, что введения добросовестности в английском договорном праве произойти не могло. В этом деле был поставлен вопрос о правовых последствиях (если таковые вообще имеются) ведения переговоров по заключению договора и необоснованного их прекращения. В высказывании лорда Акнера (Ackner) была высказана следующая

мысль о возможном восприятии в английском праве обязанности добросовестности ведения переговоров: «Обязанность вести переговоры в духе доброй воли является неосуществимой на практике, поскольку она по своей сути не согласуется с позицией сторон переговоров». В то же время в деле *Walford v. Miles* признана возможность заключить так называемое «локаут-соглашение» («ограничительное соглашения», *lock out agreement*) – соглашение, по которому одна сторона обещает другой стороне не вступать в последующем переговоры с третьими лицами. Это не означает, однако, предоставление контрагенту позитивного права на продолжение переговоров. Поскольку *lock out agreement* является договором, он действителен, только если предусматривает надлежащее встречное удовлетворение [12].

Эта позиция была поддержана в решении Апелляционного суда по делу *Pitt v. P.H.H. Asset Management Ltd.* [13]. В данном деле соглашение (*lock out agreement*) между продавцом и потенциальным покупателем коттеджа о запрете ведения переговоров с третьими лицами было расценено как заключенное и юридически обязательное. Встречным удовлетворением для продавца, которое было расценено как достаточное, было то, что покупатель отказывался от возможного требования о наложении судебного запрета продолжать переговоры исключительно с ним, а также от прекращения переговоров. Кроме того, покупатель обещал произвести обмен документами в течение двух недель после того, как продавец направит проект договора купли-продажи с ним. Иными словами, как следует из дела *Pitt v. P.H.H. Asset Management*, английское право допускает ответственность только за разрыв переговоров в случаях заключения юридически действительного *lock out agreement*. Общая доктрина добросовестности ведения переговоров не признается.

Иного подхода в вопросе общего принципа добросовестности придерживается гражданское право континентальных государств.

Так, Верховный Суд Нидерландов (*Hoge Raad*) еще в 1957 году постановил, что преддоговорная стадия является правоотношением, определяемым требованием добросовестности. Такая квалификация была уточнена в 1982

году по делу *Plas v. Valburg* – Суд отметил, что переговорный процесс может быть разделен на три этапа (стадии):

начальный этап – на котором прекращение переговоров не ведет к каким-либо требованиям о возмещении ущерба;

промежуточная стадия – на которой переговоры могут быть прекращены при условии, что расходы, понесенные другим участником в связи с переговорами, были возмещены; и

конечная стадия – не согласующаяся с требованием добросовестности, когда в случае прекращения переговоров и незаключения в конечном итоге никакого договора должны быть выплачены все предвидимые, ожидаемые в связи с заключением договора убытки другого участника. Эта третья стадия может быть охарактеризована как «квазидоговорная» [14].

Таким образом, при оценке преддоговорных отношений сторон возникает вопрос о том, была ли достигнута такая стадия, и, соответственно, о критерии этой оценки. Верховный Суд Нидерландов сформулировал его следующим образом: «Если обе стороны могли полагаться, что определенный договор в любом случае последует за переговорами». В последующем этот критерий был уточнен: во внимание принимаются обоснованные ожидания контрагента стороны, которая разорвала переговоры. Как следствие этого уточнения, больше не требуется, чтобы обе стороны полагались на положительный исход их преддоговорных отношений; многосторонние ожидания были заменены односторонним ожиданием в качестве предварительного условия преддоговорной ответственности. Тем не менее, одностороннее ожидание само по себе не является достаточным. Следует также учитывать, в какой степени и каким образом сторона, которая прекратила переговоры, вызвала уверенность другого участника в заключении договора. Кроме того, необходимо выяснить, были ли у стороны, отказавшейся от переговоров, какие-либо обоснованные интересы или непредвиденные обстоятельства, оправдывающие прекращение переговоров, которые возникли во время ведения переговоров.

Схожего подхода к преддоговорной добросовестности придерживается и немецкая судебная практика. Наиболее известным решением в этой сфере

является решение по так называемому «Делу о линолеуме».

В данном деле речь шла о покупательнице и ее ребенке, которые пострадали от падения рулонов линолеума при показе их продавцом клиенту. Верховный суд Германии постановил, что травма произошла в момент, когда стороны согласовывали договор купли-продажи. Отношения между сторонами поэтому были не просто случайными, но «квазидоговорными». Следовательно, продавец был обязан проявить должный уровень заботы о здоровье и имуществе клиента – это было одним из проявлений немецкой доктрины *culpa in contrahendo*: стороны, участвующие в переговорах по поводу заключения договора, связаны обязанностью заботы не причинять ущерб имуществу или здоровью контрагента.

Спектр применения *culpa in contrahendo* в немецком праве получил очень широкий диапазон. Например, согласно доктрине *culpa in contrahendo* даже третья сторона, которая не принимает участия в переговорах, может требовать возмещения убытков в случае травмы. Такое решение было принято Верховным судом Германии в деле «О салатном листе». Ребенок сопровождал свою маму, пока последняя покупала бакалею. Ребенок упал в салатный лист и получил травму. Хотя только мать, строго говоря, находилась в преддоговорных отношениях с супермаркетом, ребенок был защищен той же обязанностью заботы, которую супермаркет был должен обеспечить своим клиентам [15]. По сравнению с законодательством Нидерландов денежная компенсация, которая может быть присуждена согласно немецкому праву, несколько более ограничена. Таким образом, истребованы могут быть только убытки (*negatives interesse* – «негативные убытки»), хотя в некоторых случаях представляется, что требование о возмещении упущенной выгоды также может быть присуждено.

Как видим, общее право и континентальные правовые системы предусматривают различные подходы к оценке роли добросовестности в преддоговорных отношениях. Б. Николас (B. Nicholas) предположил, что основное различие между английским и французским правом кроется в том, что английское право исходит с экономических позиций, а французское право – с моральных позиций, в то же время ссылаясь на разницу в концептуаль-

ных структурах между двумя правовыми системами [16, с. 184]. В схожих характеристиках высказывается и П. Д. Финн (P. D. Finn), отмечающий такие ценности общего права, как индивидуальная ответственность, уверенность в своих силах [17, с. 159], а также Е. А. Фарнсворф (E. A. Farnsworth), подчеркивающий, что общее право традиционно отводит приоритет целям окончательности, определенности и практичности, как правило, не требуя раскрытия [18, с. 352]. П. Легранд (P. Legrand), напротив, сравнивая французское законодательство с английским правом, характеризует его как позитивное (признание обязанности информировать), альтруистическое (признание обязанности делиться определенной информацией между партнерами) и конкретное (при решении вопроса, признается ли обязанность раскрытия информации, не столь важна природа договора, как характера сторон: «профессионал» и «обыватель») [19, с. 346].

Выводы. Отмеченные различия общего и континентального подходов в вопросах добросовестности в преддоговорных отношениях являются традиционными, тем не менее интересы международного торгового оборота детерминируют их сближение и обуславливают необходимость их гармонизации. Конечно, в настоящее время едва ли можно говорить об унификации принципа добросовестности при ведении переговоров по поводу заключения договора, но гармонизация правового регулирования в целом возможна. По нашему мнению, более подходящей может оказаться такая форма правовой аппроксимации, как общие принципы права, поскольку они оставляют большую интерпретационную свободу, чем унифицированные правила. В связи с этим хотим поддержать принципы, касающиеся преддоговорных отношений, предложенные УНИДРУА и Комиссией Ландо. С одной стороны, эти принципы требуют добросовестного поведения в целом, а с другой стороны, недобросовестное (т.е. явное несоблюдение добросовестности) поведение в переговорах специально запрещается.

Несмотря на концептуальную дивергенцию подходов общего и континентального права в вопросах преддоговорной добросовестности, сравнительно-правовые исследования в этом направлении должны быть продолжены;

считаем необходимым включить в предмет их анализа тщательное изучение социальных, экономические и политические факторов, имеющих отношение к функционированию этих правовых систем, с тем, чтобы преодолеть препятствия на пути их гармонизации.

Список использованной литературы:

1. Gorla G., Moccia L. A 'revisiting' of the comparison between 'Continental Law' and 'English Law' (16th-19th Century) / Gino Gorla & Luigi Moccia // The Journal of Legal History. – 1981. – Vol. 2, Iss. 2. – P. 143-156.
2. Frier B. W. Interpreting Codes / Bruce W. Frier // Michigan Law Review. – 1991. – Vol. 89. – № 8. – P. 2201-2214.
3. Snell's Principles of Equity. Twenty-first edition. / By Rivington H. Gibson, M.A. (Oxon). London: Sweet & Maxwell, Ltd., 1934. – 660 pp.; An Epitome of Snell's Equity. / By Rivington H. Gibson, M.A. (Oxon), and Rivington Clifford W., B.A. (Oxon). – London: Sweet & Maxwell, Ltd., 1935. – 267 pp.
4. Snell's Principles of equity. 28th ed. / by P. V. Baker and P. St. J. Langan. – London: Sweet & Maxwell, 1982. – 703 p.
5. Re Hallett's Estate(1880) 13 Ch D 696 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.coursehero.com/file/p4663ka/Re-Halletts-Estate-1880-13-Ch-D-696-In-this-case-the-court-said-the-first-money>.
6. Italian report about pre-contractual liability // in: Precontractual liability, Reports to the XIIIth congress international academy of comparative law (Montreal, Canada, 18-24 August 1990) / Hondius (ed.). – Deventer/Boston, 1991.
7. Bridge M. G. Does Anglo-Canadian contract law need a doctrine of good faith? / Bridge M. G. // Canadian Business Law Journal. 1984. – Vol. 9. – P. 385-425.
8. Interfoto Picture Library Ltd v Stiletto Visual Programmes Ltd [1989] QB 433 Court: Queen's Bench, Judges: Dillon and Bingham LJJ. Date decided: 30 October 1987. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://wikijuris.net/cases/interfoto_v_stiletto_1989.
9. O'Connor J. F. Good Faith in English Law / J. F. O'Connor. – Dartmouth, 1990. – 148 p.
10. Lücke H. Good faith and contractual performance / H. Lücke // in: Essays on contract / Finn (ed.). – Sydney, 1987.

11. Cartwright J. Unequal Bargaining: a Study of Vitiating Factors in the Formation of Contracts. / J. Cartwright . – Oxford: Clarendon Press, 1991. – 245 p.

12. Walford and others v Miles and another. House of Lords [1992] 2 AC 128, [1992] 1 All ER 453, [1992] 2 WLR 174, 64 P & CR 166, [1992] 11. EG 115, [1992] 1 EGLR 207. Hearing-Dates: 6, 7 November 1991, 23 January 1992 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.diprist.unimi.it/fonti/921.pdf>.

13. Pitt v PHH Asset Management: CA 29 Jun 1993 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://swarb.co.uk/pitt-v-phh-asset-management-ca-29-jun-1993>.

14. Erp J.H.M. van. The Pre-contractual Stage / J.H.M. van Erp // in: Towards a European Civil Code. – Kluwer Law International BV, The Netherlands, 2011. – P. 493-515.

15. Medicus D. Grundwissen zum Bürgerlichen Recht Ein Basisbuch zu den Anspruchsgrundlagen. – 367 g.

16. Nicholas B. The Pre-Contractual Obligation to Disclose Information: English report // in: Contract Law Today: Anglo-French Comparisons. Ed. by H. Donald and T. Denis. – Oxford: Clarendon Press. 1989. – 414 p.

17. Finn P. D. Equity and Contract // Essays on Contract / P.D. Finn (ed.). – Sydney, 1987.

18. Farnsworth E. A. Precontractual Liability and Preliminary Agreements: Fair Dealing and Failed Negotiations / E. Allan Farnsworth // Columbia Law Review. – 1987. – Vol. 87. – № 2. – P. 217-294.

19. Legrand P. Jr. Pre-Contractual Disclosure and Information: English and French Law Compared / Pierre Legrand, Jr // Oxford Journal of Legal Studies. – 1986. – Vol. 6(3). – P. 322-352.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куклева Екатерина Александровна – аспирант кафедры международного права Института международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kukleva Ekaterina Aleksandrovna – Postgraduate Student at the Department of International Law Institute of International Relations of Taras Shevchenko National University of Kyiv

arynets.katerina@gmail.com

УДК 349.7

NORME PENTRU FINALIZAREA PUNCTURII, PECULIARITĂȚI DE CALCUL TERMENILOR DE CONEXIUNE PREVIOUSĂ ÎN LEGISLAȚIA NAȚIONALĂ A UCRAINEI

Iaroslav CUȘNIR,

licențiat la Facultatea de drept din anul 5
Universitatea din Bukowina, Cernăuți

Anotații

Articolul este dedicat particularităților calculului termenilor de detenție preventivă, regulilor de pedeapsă din legislația națională a Ucrainei, particularităților de calcul al pedepselor pentru totalitatea infracțiunilor și sentințelor. Numirea pedepselor de bază și suplimentare în cadrul practicii judiciare, realizarea analizei generale a conceptelor, indicatorilor, principiilor și metodelor de bază ale naturii juridice a pedepsei.

Cuvinte cheie: sistem de pedepsire, analiza dreptului penal, cercetare, indicatori, responsabilitate, calculul termenilor, reguli de condamnare, reguli speciale, sistem de asamblare completă, sistem de absorbție, creștere electivă, pedeapsă de bază, pedeapsă suplimentară.

RULES FOR THE COMPLETION OF THE PUNCTURE, PECULIARITIES FOR THE CALCULATION OF THE PREVIOUS CONNECTION TERMS IN THE NUCLEAR LEGISLATION OF UKRAINE

Iaroslav CUSNAR,

graduated from the Faculty of Law in the year 5
University of Bukowina, Chernivtsi

Summary

The article is dedicated to the peculiarities of the calculation of the terms of preventive detention, the punishment rules in the Ukrainian national legislation, the peculiarities of calculating the punishments for all the offenses and the sentences. Appointment of basic and additional punishments in judicial practice, carrying out the general analysis of the concepts, indicators, principles and basic methods of the legal nature of the punishment.

Key words: punishment system, criminal law analysis, research, indicators, responsibility, calculus of terms, conviction rules, special rules, complete assembly system, absorption system, elective growth, basic punishment, additional punishment.

Introducere. Societatea modernă la dat persoanei drepturi și oportunități largi care trebuie utilizate în mod responsabil. Acest lucru se datorează faptului că oportunitățile omului în societate au crescut foarte mult. În lumea modernă, toată lumea depinde de unul iar unul depinde de toți. În aceste condiții, comportamentul iresponsabil și actele criminale sunt răul social, ceea ce generează răutate și un pericol social semnificativ. Deci, politica statului în lupta împotriva criminalității prevede o serie de măsuri, inclusiv pedeapsa, care este un mijloc necesar pentru a proteja societatea de infracțiunile criminale. Executarea acestui rol se realizează atât prin amenințarea cu pedepsirea, care

există în sancțiunea fiecărei legi penale și prin punerea sa în aplicare, adică prin influența coercitivă asupra celor care au comis deja infracțiuni. Luând în considerare acest subiect, este necesar să se definească conceptele de bază: criminalitatea și pedeapsa, ca categorii și elemente interconectate și elemente ale sistemului de condamnare la calcularea termenilor de detenție preventivă. În conformitate cu partea 1. 11 din Codul penal al Ucrainei Crima este o infracțiune socială periculoasă (acțiune sau inacțiune) prevăzută de Codul penal, comisă de obiectul unei infracțiuni. La rândul său, pedeapsa, în conformitate cu Partea 1, 52 din Codul penal al Ucrainei, este o măsură de constrângere, care